

В 2000-е годы Станислав Лем регулярно писал для польских изданий короткие заметки на разные темы — о космосе и биологии, об энергетике и политике, о науке и жизни. Мы предполагаем в течение этого года представить вам некоторые из этих заметок. Все они впервые публикуются на русском языке, переводы выполнил Виктор Язневич, исследователь и автор работ о творчестве Лема, составитель изданий его философских и литературоведческих произведений.

Состояние разобщенности, в котором пребывает наша культура, привело к тому, что мне легче узнать, что обо мне пишут в Америке, чем что обо мне пишут в Польше. И поэтому со значительным опозданием я прочитал очерк Пшемислава Чаплинского «Станислав Лем — спираль пессимизма» из его книги «Подвижные границы».

Чаплинский прочел мои произведения очень внимательно. Однако его интересовали не мой язык или сюжеты, а то, что я назвал бы футурогнозией, разновидностью вневременной философии, анализирующей отдельные этапы человеческого познания и деятельности. Он считает, что от первоначального оптимизма я перешел к пессимизму и одновременно подчеркивает: «Лем, меняя взгляды, всегда охватывает более ранний этап, никогда не сжигая за собой мосты... Лем сегодняшний, выражающий катастрофические опасения, не является кем-то радикально отличающимся от Лема давнего, оптимистично смотрящего в будущее, поскольку их обоих объединяет убежденность, что сущность положения человека и человечества определяет превосходство возможностей над необходимостями».

Хотелось бы перевести это на мой язык, не столько гуманитария, сколько человека, которому ближе биология и точные науки. В 1964 году появилась моя книга «Сумма технологии»; нелишне добавить, что Фрэнсису Фукуяме было тогда лет одиннадцать, и ходил он в общеобразовательную школу. (Фрэнсис Фукуяма — американский политолог японского происхождения, автор книги «Конец истории и последний человек» (1992), в которой утверждает, что либеральные демократии — окончательная форма общественного устройства. — *Примеч. ред.*) Я написал там, что человек создал технологию, которая оказалась силой, все более захватывающей, которая повела за собой своего создателя. Вместе с расширением фронта человеческой деятельности на суше, море и в воздухе прогрессирует растерянность. Не только в науке, но и в технологии у нас открывается все больше возможностей, и одновременно мы все меньше знаем о том, что, собственно говоря, надо делать и в чем наши цели.

Особый раздел в моей «Сумме» я посвятил «реконструкции человека». Я видел в ней возможность ликвидации болезней, слабостей, неполноценности, плохой наследственности. Однако у этой проблемы имеются аверс и реверс, и дело не обстоит так, что мы можем просто убрать из наследственной субстанции вредные гены и в результате получим совершенного человека.

Томас Манн говорил, что гениальность — это болезнь. Мы уже более или менее знаем, что такое коэффициент интеллекта или коэффициент эмоциональности, однако нет коэффициента творческих возможностей. Не удалось создать меры, которая позволяла бы констатировать, что в данной семье творческий потенциал увеличивался, причем без вреда для потенциала биологического. Такая болезнь, как, например, эпилепсия, заведомо осложняющая жизнь, может соединяться с гениальной писательской деятельностью, как у Достоевского, и мы не знаем, не были ли у него эти факторы неразделимы.

Чаплинский говорит, что, возможно, я потому перестал писать сюжетную прозу, что мы уже оказались там, где начинается будущее и чисто воображаемые возможности преобразования человека становятся реальностью. Я сказал бы так: если мы задумаемся над тем, что возможно, всегда можно найти некоторые ограничения. Например, мы никогда не сможем предсказать состояние климата на долгий срок, потому что климат принадлежит к так называемым неустойчивым явлениям. Представим себе полусферу или гладкую буханку хлеба, на которую мы кладем металлический шарик: нет ни одного способа, чтобы точно установить, в какую сторону этот шарик покатится. Мы только знаем, что когда он начнет катиться, то будет катиться все быстрее.

Это также касается и развития науки. В течение нескольких лет после падения социализма я маниакально читал зарубежные научные журналы. Я выписал американский журнал «Science», получал из России «Природу»,

Горизонт во мгле

Художник П. Перевезенцев

приобретал французский «Science et Vie», немецкий «Wissenschaft» и еще из Англии «New Scientist». Журналы громоздились на моем столе, я был не в состоянии поглотить их содержание; я когда-то сказал, что чувствую себя как путник, который пытается догнать поезда, идущие в разных направлениях. Поэтому с нового года получаю только «Природу» и «New Scientist».

Возвращаясь к вопросу отчасти центральному — автоэволюции человека. Мы создали технологию, которая всю нашу среду изменила и усовершенствовала. Единственным элементом, который тысячами оставался неизменным, был человек в своем биологическом естестве. Теперь некоторые принимаются за его усовершенствование. Однако этого нельзя делать, если не знаешь, в чем мы хотим достичь совершенства. <...>

В номере «Science», который дошел до меня прежде, чем я перестал выписывать этот журнал, я нашел подобие будущего человека: у него короткие ноги, мощные икры, сильно развитый позвоночник, чтобы не выпадал межпозвоночный диск, более низкая гортань, чтобы не давился, когда ест суп, и выглядел он просто ужасно. К счастью, это была концепция какого-то анатомофизиолога, которая, надеюсь, никогда не дожидется реализации.

Чаплинский выделил у меня несколько видов катастрофизма, которые называет катастрофизмом антропологическим, сайентифическим и акселерационным, то есть связанным с непредсказуемостью цивилизационного ускорения. Следствием этого ускорения является, пишет он далее, «исчезновение настоящего», разновидность фантоматизации действительности и сведение ее к однозначности. Это и в самом деле так, но касается только небольшой части действительности, большая часть человечества живет по-прежнему в условиях двухсотлетней давности.

Вдобавок мы переживаем довольно опасный исторический момент. Мировое равновесие, это состояние, когда шарик был на верхушке полусферы, сохранялось в годы холодной войны, обе державы находились в состоянии «шаха», но ни одна не отваживалась объявить «мат». Теперь ядерная угроза растет, возможность применения так называемой грязной атомной бомбы становится все более реальной. Если что-то было однажды открыто, закрыть уже не удастся. И всегда какая-то часть новых технологий ускользнет из-под контроля.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЛЕМ

Разбуженное чудовище исламского экстремизма растет и становится независимым даже от самого бен Ладена. Испанцы считали, что им удастся избежать опасности, если они выберут новое правительство, которое выведет войска из Ирака. Едва такое решение зародилось, как стало известно о подготовке очередного теракта. Террористы готовятся к нанесению ударов, и речь идет не об ударах от случая к случаю, а о планомерном воздействии на демократические государства с целью сделать их более уступчивыми. Это способствует нарастанию хаоса в мире, что также влияет на ситуацию в области познания.

Чаплинский произвел определенную свехинтерпретацию моих книг, которые появлялись на протяжении 50 лет, объединяя их смысловое содержание под несколькими лозунгами. Это, собственно говоря, не футурология, ибо речь не идет ни о будущих открытиях, ни о том, чем люди будут питаться через сто лет, а о том, что вообще будет с человеком. Мы узнаём все больше, но мы путаемся в этом знании, и горизонт его покрыт мраком. По мере увеличения нашего знания мы осознаем громаду нашего незнания.

Особенно это касается строения нашего собственного организма. Разумеется, как только появились первые карты генома человека, некоторые джентльмены сразу же начали юмористически описывать биотехнологическое производство запасных частей: в ящиках будут ждать новые сердца, печень и почки, и человек станет бессмертным. Это безумные иллюзии.

Мы удивляемся, что крыса имеет 90 процентов той же самой генетической информации, что и человек. Но это вовсе не удивительно: гены как буквы, из которых складываются наследственные записи. В латинском алфавите 24 буквы, из них можно составить как вульгарные надписи на заборе, так и сонеты Шекспира. Удивительно то, что люди, которые прочитали лишь эти первые надписи, посчитали, что могут усовершенствовать человеческий вид.

Станислав Лем

Перевел с польского Виктор Язевич